

УДК 101

Т.В. Козырева

Влияние феномена бессознательного на национальные особенности личности

Аннотация. В статье раскрывается взаимосвязь этнического бессознательного с национальными особенностями личности. Автор опирается на концепции К. Юнга, Ф. Боаса, Э. Дюркгейма, М. Мосса, С.В. Лурье. Дана характеристика таких элементов бессознательного как архетипы, этнокультурные стереотипы и установки, невербальный язык, психологическая защита. Они выступают как превращенные формы социально-исторического опыта определенного этноса. На конкретных примерах продемонстрировано как бессознательное проявляется в национальных особенностях. Показано, что каждая национальная субкультура обладает рефлексивно неформальными отношениями к действительности.

Ключевые слова: бессознательное, архетипы, этнокультурные стереотипы, установки, невербальный язык, психологическая защита, национальные особенности.

T.V. Kozyreva

Influence of a phenomenon unconscious on national features of the personality

Abstract. The paper presents the interrelation ethnic unconscious with national features of the personality reveals. The author relies on the concept by K. Jung, F. Boas, E. Durkheim, M. Moss, S.V. Lurye. In the article presents the characteristic of such elements unconscious as archetypes, ethnocultural stereotypes and installations, nonverbal language, psychological protection. These elements present as a transformed forms of socio-historical experience of a certain ethnic group. These examples demonstrated how unconscious displays itself in national features. Each national subculture possessed reflexively not properly executed attitudes towards reality.

Keywords: unconscious, archetypes, ethnocultural stereotypes, installations, nonverbal language, psychological protection, national features.

Сегодня страны и народы всего мира существуют в условиях растущего взаимовлияния и включены во всеобщие взаимоотношения. В этих условиях резко повышается актуальность и значимость национальных культурных установок, ценностно-символических аспектов бытия национальных социумов, специфических особенностей конкретных этносов. Встречаясь с представителями иного народа, люди имеют естественную склонность воспринимать их поведение с позиций своей культуры. Преодоление межэтнической отчужденности связано с верным пониманием социальной и культурной специфики национальных факторов, которое

невозможно без разностороннего изучения различных этнокультурных систем. Для определения символов, верований, ценностей, норм и образцов поведения, которые характеризуют человеческое сообщество в той или иной стране, государстве, этническом сообществе применяется термин «национальная культура». Это та область человеческого бытия, в которой сливаются воедино личность и общество, материальная жизнь и мировоззрение, мышление и поведение; та сфера, в которой сходятся сознание и бессознательное.

Цель данной статьи – представить анализ исследований феномена бессознательного, выявляющего взаимосвязь этниче-

ского бессознательного с национальными особенностями личности.

Открытие бессознательного в начале XX столетия оказало огромное влияние на весь комплекс наук о человеке и человечестве, о движущих силах его развития и своеобразия психики народов. Выяснилось, что во многом человек движим бессознательными инстинктами, не будь бессознательного, все люди были бы рациональны, а, значит, различались бы в гораздо меньшей степени, чем это есть на самом деле. Тема бессознательного на протяжении столетий разрабатывалась в качественно различных аспектах: философском, психологическом, социальном, биологическом, нейрофизиологическом, психиатрическом, невропатологическом. Механизм связи между культурой и личностью выразил Георг Девере: «этническое бессознательное – это часть бессознательного сегмента психики индивида, общая с другими членами его культурной общины. Этническое бессознательное состоит из материала, который каждое новое поколение учится репрессировать в соответствии с требованием преобладающих культурных образцов» [1].

Американский этнограф и антрополог, основатель школы «культурной антропологии» Франс Боас утверждал, что антропологические исследования, исходящие из точки зрения о бессознательном источнике психических феноменов, являются очень плодотворными, поскольку ни индивиды, ни целые народы не могут дать себе отчет об источниках своих культурных категорий. В 1920 г. в «Методах этнологии» Боас утверждает, что социальное поведение человека зависит в большой степени от ранних привычек, которые выработались прежде, чем человек начинает помнить себя, и которые не проникают в его сознание [2].

Рассмотрим, что составляет бессознательную сферу национальной культуры. Понятие бессознательного получило в концепции К. Юнга трактовку психической системы, которая имеет «коллективную, универсальную и безличную природу, идентичную у всех индивидов» [3, 72]. Культурными установками «коллективного

бессознательного», выступают архетипы. Являясь регулятором психической жизни, они выступают как априорные формы психической деятельности людей и возникают спонтанно. Юнг отмечает, что архетипов «ровно столько, сколько есть типичных жизненных ситуаций. Бесконечное повторение отчеканило этот опыт на нашей психической конституции – не в форме заполненных содержанием образов, но прежде всего как форм без содержания, представляющих только возможность определенного типа восприятия и типа действия» [3, 77-78].

По мнению Юнга, активизация архетипа происходит тогда, когда возникает ситуация, соответствующая данному архетипу. Тогда, подобно инстинктивному влечению, архетип вопреки всякому разуму и воле, прокладывает себе путь. При этом конкретная форма архетипа реализуется символическим путем через унхетипический образ в психике индивида. Актуализация архетипа представляет собой не столько возвращение к архаическим основам духовности, сколько направленность в будущее, так как архетипы выражают надежды и мечту народа. Их усиление и активное присутствие в массовом сознании является, с одной стороны, условием сохранения самобытности и целостности данного общества, с другой – индикатором нарастающих проблем и противоречий в различных областях общественной жизни. Поэтому культурный архетип как традиция будет характеризоваться устойчивостью и неосознанностью. Национальные архетипы «характеризуют признание метанационального надэтнического, межрелигиозного и надгосударственного единства» [4]. Национальные архетипы выражаются в правилах и нормах общенациональной морали, благодаря которым возможно выживание и сохранение нации как единого целого, в моделях управления и организации социальных структур, присущих данной нации. Национальные архетипы как информационные и энергетические потоки реализуются через идеологию, психологию, политику в национальном во-

просе, базирующиеся на признании приоритета национального фактора в общественном и культурном развитии.

Идея «архетипов» связана также с учением французского социолога Эмиля Дюркгейма о «коллективных представлениях». Он утверждал, что помимо чисто материальных фактов (таких, как плотность населения, частота контактов членов той или иной общности, наличие путей сообщения и т. д.) поведение индивидов во многом определяется совокупностью верований и чувств, почти идентичных для всех членов одного общества. Причем эти коллективные представления не являются результатом личного опыта, а как бы « витают в воздухе», пропитывая сознание людей: их навязывает индивиду общественная среда. Дюркгейм писал: «Социальные верования или акты способны существовать независимо от их индивидуальных выражений [5, 436].

В этнокультурных архетипах концентрировано представлен исторический и социокультурный опыт народа и его духовные ориентации. «Так, например, говоря о русском архетипе, можно вспомнить образ «града Китежа» и идею потаенной святости. Архетипичны и цвета российского флага: сама красно-сине-белая гамма глубоко укоренена в русском сердце. Красный цвет универсально связан с архетипом плодородия, а в русском языке – еще и с идеей прекрасного (красна девица, Красная площадь); синий или голубой – с небесами, с высшим миром; белый цвет – с чистотой, святостью» [6].

Само наличие этнокультурных архетипов дает нам право утверждать, что помимо сознательного слоя в национальной культуре существует и слой бессознательный. Это тот общий «фон», на который накладывается индивидуальное и социальное, поэтому представители одного этноса или группы понимают друг друга лучше, чем представители разных общностей и, наконец, почему у членов одного этноса гораздо больше сходных характеристик, чем у членов разных этносов. Именно архетипы

дали научное обоснование той устойчивости и повторяемости мировоззренческих и поведенческих стереотипов различных народов, которые отмечали многие ученые еще задолго до К. Юнга.

Культурные архетипы основываются на традициях и вырабатывают стереотипы. Этнокультурный стереотип является неотъемлемым элементом любой культуры. Под этнокультурным стереотипом понимается представление о типичных чертах, характеризующих какой-либо народ. Существование таких представлений – несомненный факт. «Немецкая аккуратность», «французская галантность», «китайские церемонии» – в этих расхожих выражениях воплощаются распространенные этнокультурные стереотипы. Стереотипы понимаются как характеристики народа в целом, но вместе с тем они обычно распространяются на любого представителя этого народа и определяют образ его личности. Независимо от их обоснованности или необоснованности, истинности или ложности оказывают воздействие на психологию и поведение людей, влияют на их национальное сознание и межнациональные контакты. Стереотипы диктуют как форму, так и содержание действий и проявляются во всех областях жизнедеятельности общества. Они реализуются в конкретных культурных и национальных формах: праздниках, этикете, труде, игре, моде, отдыхе, способах воспитания, ухода, оскорбления, наказания и т.п., вследствие этого стереотипы являются конкретной «измеримой» формой проявления содержания национального характера. Они не осознаются человеком – это факт поведения. Чаще дети воспитываются определенным образом лишь потому, что их родители в свое время интуитивно впитали господствующую у данного народа традицию воспитания и отношения к детям. Например, в США младенец с рождения рассматривается как «готовая» личность со своими потребностями и желаниями, которые уважаются его отцом и матерью. В Японии же младенец воспринимается как часть

матери, и в нем отнюдь не культивируется самостоятельность. Отсюда – воспитание разных типов ребенка: в США мать хочет видеть его раскованным, активным, а в Японии – спокойным, серьезным созерцателем. Уже к 3–4 месяцам младенцы в этих странах приучены вести себя соответствующим образом.

В свою очередь, своеобразие поведенческой активности будет заключаться в эмоционально-экспрессивной специфике, определяемой как темперамент. Он является внешним выражением национально-го характера и проявляется в различных формах вербального и невербального общения: темпе речи, количестве и энергичности движений и жестов, величине социальной дистанции, открытости в проявлении чувств. Национальный темперамент – определенный стандартный способ реагирования на конкретную ситуацию, присущий большей части данной этнической общности. Различия в реактивности эмоциональности представителей тех или иных общностей будут заключаться в том, что выработанные на протяжении веков традиционные формы поведения реагирования усваиваются каждым новым представителем. Европейцев, впервые вступавших в общение с японцами, шокировало, что японцы с улыбкой говорят о самых печальных вещах, например, о тяжелой болезни дочери. Это дает почву для представления о бездушии и цинизме японцев. Однако улыбка означает на самом деле лишь то, что японец не считает себя вправе беспокоить окружающих своими личными горестями.

Самой древней формой общения людей является невербальная коммуникация. «Невербальный язык – это система жестов и знаков, используемая членами этноса для передачи субъективной, эмоциональной стороны сообщений. Во многом его средства усваиваются человеком бессознательно или полусознанно: тут не приходится говорить о научении, только – о подражании или о «заражении» [6]. Вряд ли кто-то созна-

тельно учит детей подмигивать, однако, подмигивание – элемент самых различных культур. Правда на разных правах и в разных значениях. В западных культурах нет ничего неприличного в том, что молодой человек подмигнет девушке, желая оказать ей внимание. В восточных же подмигивание имеет уничижительный смысл, и мужчина, подмигнувший женщине, вызовет ее негодование, а то и навлечет на себя культурный остракизм. В.И. Даль определяет жест как телодвижение человека, немой язык вольный или невольный [7]. Нас в данном случае интересуют «невольные телодвижения человека». С точки зрения Г.В. Монаховой, «главным системообразующим фактором того или иного жеста является общество, в недрах которого данный жест возник и находится в употреблении» [8]. Здесь следует вспомнить М. Мосса и его работу «Техники тела». Он утверждает: «Каждое общество обладает своими, присущими только ему привычками. Положение рук, кистей во время ходьбы образуют своего рода социальную идиосинкразию, а не просто продукт сугубо индивидуальных, психических устройств и механизмов» [9, 245]. Мосс на многочисленных примерах показывает, что различными культурами и этносами обусловлены не только различные привычки, поведение, эмоции, но, казалось бы, на первый взгляд, совершенно физиологические (природные) вещи. Иными словами, многое в человеке определяется не генетически характером воспитания, «привычками». Необходимо видеть техники и деятельность коллективного практического разума там, где обычно видят лишь психологию и ее способности к повторению. «Я называю техникой традиционный действенный акт (и вы видите, что в этом отношении он не отличается от акта магического, религиозного, символического). Необходимо, чтобы он был традиционным и действенным. Вот чем человек прежде всего отличается от животного: передачей своих техник и особенно – их передачей по-

средством слов» [9, 249]. Мосс приходит к выводу, «что техники тела существуют даже в глубине всех наших мистических состояний» [9, 264]. Вследствие этого представители определенного этноса привыкают к особому типу поведения и у них формируется особая психология присущая данному народу. Можно сказать, этническая принадлежность сама по себе порождает не те или иные эмоции, а лишь нормативные ситуации и их проявления [9].

Некоторые ученые считают, что ментальность определяется историей и социальными условиями жизни этноса или группы и бессознательно усваивается в ходе этой истории. Так, японцы, искони жившие небольшими общинами, еще более спаянными, поскольку в силу своего географического положения были отделены от всего остального мира, и по сейчас, при всех переменах, которые принес 20 век, превыше всего ценят групповую спаянность, сплоченность, согласие. Часто их даже критикуют за это, обвиняя в отсутствии индивидуальности и определенности во взглядах и желаниях. Американцы шутят, что любимое блюдо японцев – «сэму». На самом деле такого блюда нет. Но обычно, когда кто-то заказывает еду, присутствующие японцы говорят «сэму, сэму» (так они произносят английское слово «same», что значит – «то же самое»). Конечно, это кажется странным для европейцев или американцев, которые уважают индивидуальность в любом ее проявлении настолько, что для них принципиально важно даже то, по какой методе каждый из них жарит мясо и какой туалетной водой пользуется. А всю жизнь Японии пропитывает принцип общности: у японцев есть даже стихотворный жанр, называемый «сцепленные строки» («рэнга»), суть которого состоит в том, чтобы собравшиеся люди создали вместе единое гармоничное поэтическое произведение.

При межнациональном взаимодействии проявляется еще ряд бессознательных элементов. Л. М. Дробичева впервые в этносо-

циологической литературе дала определение национальной установки как готовности представителя определенной нации к своеобразному действию, поведению в межнациональных контактах [10, 279]. Национальная установка, как и установка любого другого вида, закрепляется в ходе исторического развития этнической общности. Формирование как положительных, так и отрицательных установок обусловлено многими причинами: социально-экономическими, политическими, идеологическими. В результате образуются целые системы фиксированных национальных установок, которые постоянно актуализируются и иницируют своеобразное протекание психических процессов личности, характер поведения, взаимодействия, общения представителей определенных этнических общностей, обеспечивая внутреннюю готовность к определенной форме реагирования на возникающие ситуации. Системы этих установок обеспечивают внутреннюю цельность поведения личности и групп людей, устойчивость их деятельности, облегчают выбор и принятие решений. В них аккумулируются крупницы опыта того или иного народа, примеры действий его представителей в аналогичных ситуациях. В сознании может сформироваться установка на то или иное отношение к какой-либо национальной общности или ценностные установки, связанные с трудовой деятельностью, культурой народа [11].

Проявлениями бессознательных механизмов обладает и психологическая защита. Исследования С.В. Лурье, А.А. Налчаджяна являются первыми в области изучения психологической защиты этноса [12]. Психологическая защита – совокупность проявления бессознательных и сознательных, регулируемых спонтанно механизмов устранения из национального сознания состояний тревоги и напряженности, неприятных, травмирующих переживаний, эмоций и чувств, а также любого внутреннего дискомфорта, связанного с общением и взаимодействием с представителями других наций. Психологическая защита может действовать спонтанно (неосознанно), а может

использоваться специально (осознанно) в чьих-либо интересах. Нас интересуют бессознательные механизмы. Существуют различные формы психологической защиты. Например, в исследовании по определению специфики защитных механизмов у русских и китайских выпускников вузов, проведенном Лукьяновой Е.Л., было выявлено, что у каждой этнической группы существует свой набор защитных механизмов. Для китайцев доминирующими защитными механизмами являются проекция, реактивные образования, вытеснение; для русских – проекция, интеллектуализация, отрицание. В проявлении доминирующих защитных механизмов отражаются национальные личностные качества представителей конкретных наций. Проекция – процесс, в ходе которого неприемлемые собственные импульсы приписываются другим людям и объектам. По отношению к русским студентам доминирование этого защитного механизма и превышение его нормативного показателя, может характеризовать наличие такой национальной особенности как безответственность, так как перекалывание или проецирование ответственности на другое лицо, что способствует формированию сниженного уровня собственной критичности, желания уходить от конструктивного разрешения собственных проблем, чаще «плыть по течению», обвиняя то людей, то обстоятельства в сложившейся ситуации.

У китайских выпускников проекция характеризует такую национальную особенность как национальное тщеславие, то есть они проецируют все свои «хорошие» качества, так как живут в «хорошем государстве». Вторым по частоте использования у русских выпускников выявлен механизм интеллектуализация. У русских выпускников неосознаваемый контроль над эмоциями и импульсами обнаруживает выраженную зависимость любой ситуации от ее рациональной интерпретации. Суеверность русских также может вполне быть объяснима с позиции действия этого механизма. Редкое проявление этого механизма у китайцев обусловлено, ско-

рее всего, тем, что, живя по определенным законам, китайцы не проникают в глубь событий или вещей путем отстраненного обсуждения в абстрактных терминах, а стараются действовать по предписанным правилам, а также и тем, что китайцы живут больше разумом, чем чувствами, которые еще конфуцианской теоретической мыслью рассматривались как вторичные по отношению к природе человеческого существа. В проявлении этого механизма защиты у русских выпускников можно наблюдать такие национальные особенности как эмоциональность, общительность. У китайцев – эмоциональную сдержанность, практицизм. Для китайцев свойственна жизнь по предписанным социумом правилам. Результатом работы данного защитного механизма у китайцев являются и такие поведенческие реакции, как негативное отношение к «неприличным» разговорам, шуткам, фильмам эротического содержания, подчеркнутое стремление соответствовать общепринятым стандартам поведения, вежливость, любезность. Не случайно в Китае запрещены фильмы, журналы эротического содержания, а также и азартные игры. У русских же выпускников данный механизм не является столь популярным, так как они не всегда стремятся жить по правилам, а, наоборот, «запретный плод» становится объектом пристального интереса, большинство часто надеется на «авось», чудо, «счастливый билет» [13].

Другая форма психологической защиты, получившая название *психологического вытеснения*, состоит в активном неосознанном устранении из сферы сознательного представителей тех или иных наций и переводе в область бессознательного неприемлемых для них мыслей, воспоминаний, переживаний. Такой перевод позволяет как бы обойти, избежать или локализовать конфликт между сознательным и бессознательным, вызванный какими-либо ранее имевшими место фактами национального унижения или оскорбления. При ослаблении действия этого механизма в психике

представителя конкретной нации все, что подверглось вытеснению из сферы бессознательного, способно прорываться в область сознательного в форме резкого изменения отношения к чему-то, кому-то на противоположное. То, что разрушает или деформирует национальное самосознание, вытесняется, и это сохраняет социальную общность от разрушительных социальных потрясений, конфликтов и эмоциональных переживаний. Например, в сознании американцев нередко вытесняется тот факт, что англичане внесли особый вклад в освоение и развитие Америки. Это вытеснение стало всеобщим в период англо-американской войны 1814–1816 гг., а также в другие периоды обострения отношений между США и Англией. Всегда наблюдается закономерность: в период обострения отношений между нациями, народностями из общественного сознания вытесняются положительные чувства, мысли, ценности, переживания, события и, наоборот, усиливаются негативные настроения и установки. Нужно принимать во внимание и проявление такой формы защиты нации, как психологический смысловой барьер. Психологический смысловой барьер представляет собой взаимное непонимание, возникающее между людьми и вызываемое тем, что одно и то же явление имеет для них различное смысловое значение и неоднозначное толкование в силу принадлежности к разным национальным культурам. Например, в некоторых восточных странах принято снимать обувь перед входом в жилище. В европейских же государствах, наоборот, гостя пропускают в дом в обуви. То же самое относится и к жестам. Движения головой, плечами, руками, походка, взгляд в однотипных ситуациях у разных народов означают не одно и то же. В связи с этим в новой национальной среде человек может попасть в неловкое положение. Так, для испанца прикосновение собеседника к мочке уха – оскорбление. Для грека таким же оскорблением будет поднятая

рука с открытой ладонью в его сторону. Говоря «да», грек, турок, болгарин будут поворачивать голову вправо и влево, что для большинства европейцев означает «нет». Африканцы и азиаты считают на пальцах не так, как это делают в Париже и Вашингтоне. Японец начинает с открытой руки, загибает большой палец на счет «один», указательный – на счет «два» и т. д.; когда все пальцы загнуты, начинается обратный процесс – отогнутый мизинец – «один», безымянный палец – «два». [14, 206-208]. Таким образом, каждый народ и его культура уникальны, и есть элементы несовпадений, различий, которые при их взаимодействии на уровне непосредственного общения могут выступать как смысловые барьеры.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что наличие этнокультурных архетипов, стереотипов, установок, психологической защиты показывает, что помимо сознательного слоя в национальной культуре существует и слой бессознательный, вернее, предшествующий индивидуальному сознанию членов народа, нации, этнических или социальных групп. Это тот общий «фон», на который накладывается индивидуальное и социальное. Именно поэтому представители одного этноса или группы понимают друг друга лучше, чем представители разных общностей и, наконец, у членов одного этноса гораздо больше сходных характеристик, чем у членов разных этносов. Архетипы, этнокультурные стереотипы, невербальный язык выступают как превращенные формы социально-исторического опыта конкретного этноса, который обеспечивает его своеобразие, обуславливая национальную специфику миропонимания, мироощущения. «Общество «переваривает» исторические обстоятельства, делает их своей плотью и кровью, своими подсознательными привычками, общими способами поведения, не фиксируясь на том, откуда они пришли и что они значат. Поэтому, чтобы понять общество, следует, прежде всего, оттор-

гнуть то, что оно осознанно заявляет о себе» [6]. Каждая национальная субкультура обладает рефлексивно неоформленными отношениями к действительности, укрепляющими у носителей данных

ценностей единые подходы, оценки и ассоциации относительно политических явлений и усиливающими чувства внутренней сплоченности их приверженцев.

Литература

1. Devereux G. Basic Problems of Ethnopsychiatry. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1980, p. 6. (Цит. по Лурье С.В. Историческая этнология: Учеб. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 1997. – 446 с.).
2. Боас Ф. Методы этнологии // Антология исследований культуры, Том 1: Интерпретации культуры. – СПб: «Университетская книга», 1997. – С. 519-527.
3. Юнг К.Г. Аналитическая психология: Прошлое и настоящее. – М.: Мартис, 1995. – 320 с.
4. Мостовая И. Скорик А. Архетипы и ориентиры российской ментальности // Политические исследования. – 1995. – № 4. – С. 69-76.
5. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. СПб, 1912. 476 с.
6. Чернявская Ю. Народная культура и национальные традиции URL http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Chern/ (Дата обращения: 1.07.15).
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – СПб., 1863–1866. http://v-dal.ru/word_s-24147.html (Дата обращения: 1.07.15).
8. Монахова Е.Г. Социальная семантика жеста // Потенциал современной науки. Вып.1. – 2014 URL <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-semantika-zhesta> (Дата обращения 1.07.15)
9. Мосс М. Техника тела // Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М., 1996. – 316 с.
10. Дробижева Л.М. Духовная общность народов СССР: Историко-социологический очерк межнациональных отношений. – М., 1980. – 356 с.
11. Гнатенко П.И. Национальная психология. Днепропетровск: Изд: ДГУ, 2000. 213 с.
12. Лурье С.В. Историческая этнология: Учеб. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 1997. – 446 с.
13. Лукьянова Е.Л. Этнические проявления психологической защиты (на примере изучения русских и китайских выпускников вузов): автореф. дис. канд. психолог.наук. Хабаровск, 2006. 23 с.
14. Crosscultural psychology: research and applications. – Cambridge, 1992 (Цит. По Чернявская Ю. Народная культура и национальные традиции URL http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Chern/ (Дата обращения: 1.07.15).

References

1. Devereux G. Basic Problems of Ethnopsychiatry. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1980, p. 6. (Cit. po Lur'e S.V. Istoricheskaja jetnologija: Ucheb. posobie dlja vuzov. M.: Aspekt Press, 1997. – 446 s.).
2. Boas Metody jetnologii // Antologija issledovanij kul'tury, Tom 1: Interpretacii kul'tury. – SPb: «Universitetskaja kniga», 1997. – С. 519-527.
3. Jung K.G. Analiticheskaja psihologija: Proshloe i nastojashhee. – М.: Martis, 1995.
4. Mostovaja I, Skorik A. Arhetipy i orientiry rossijskoj mental'nosti // Politicheskie issledovanija. – 1995. – № 4. – S. 69-76.
5. Djurkgejm Je. Samoubijstvo. Sociologicheskij jetjud. SPb, 1912.
6. Chernjavskaja Ju. Narodnaja kul'tura i nacional'nye tradicii URL http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Chern/ (Data obrashhenija: 1.07.15).
7. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka: V 4 t. – Spb., 1863–1866. URL http://v-dal.ru/word_s-24147.html (Data obrashhenija: 1.07.15).
8. Monahova E.G. Social'naja semantika zhesta // Potencial sovremennoj nauki. Vyp.1. – 2014 <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-semantika-zhesta>.

9. Moss M. Tehnika tela // Obshhestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po social'noj antropologii. M., 1996.
10. Drobizheva L.M. Duhovnaja obshhnost' narodov SSSR: Istoriko-sociologicheskij ocherk mezhnacional'nyh otnoshenij. – M., 1980.
11. Gnatenko P.I. Nacional'naja psihologija. Dnepropetrovsk: Izd: DGU, 2000. 213 s.
12. Lur'e S.V. Istoricheskaja jetnologija: Ucheb. posobie dlja vuzov. M.: Aspekt Press, 1997. – 446 s.
13. Luk'janova E.L. Jetnicheskie projavlenija psihologicheskoy zashhity (na primere izuchenija russkih i kitajskih vypusnikov vuzov): avtoref. dis. kand.psiholog. nauk. Habarovsk, 2006.
14. Crosscultural psychology: research and applications. – Cambridge, 1992 (Cit. Po Chernjavskaja Ju. Narodnaja kul'tura i nacional'nye tradicii URL http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Chern/ (Data obrashhenija: 1.07.15).